

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА ИСТОРИИ СССР

К. В. ЛАЙГНА
СТАРШИЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ

РАЗВИТИЕ ЭСТОНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ДО 1917 Г.

АВТОРЕФЕРАТ
ДИССЕРТАЦИИ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА
ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Защита назначена на 19. XII 1952 г.

299730

ТАРТУ 1952

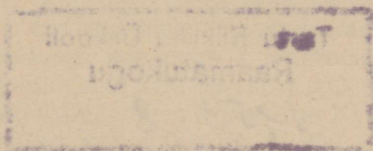
241981

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА ИСТОРИИ СССР

К. В. ЛАЙГНА
СТАРШИЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ

РАЗВИТИЕ ЭСТОНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ДО 1917 Г.

АВТОРЕФЕРАТ
ДИССЕРТАЦИИ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА
ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

299736

ТАРТУ 1952

Ташкентский государственный университет
ИЗДАТЕЛЬСТВО

АННАЛЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКИ И ТЕХНИКИ

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКИ И ТЕХНИКИ

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu
1953: 8

1953: 8

Для успешного осуществления задач коммунистического воспитания необходима упорная и решительная борьба с буржуазным национализмом. «Национализм — основное идейное препятствие по пути выращивания марксистских кадров, марксистского авангарда на окраинах и в республиках».¹

В борьбе с буржуазным национализмом на окраинах и в республиках исключительное значение имеет марксистско-ленинское освещение местной истории. История трудящихся масс, правильно освещенная, свободная от всяких искажений и фальсификации, воодушевляет их на новые подвиги. Исканная же и фальсифицированная история является оружием в руках эксплуататорских классов. Именно поэтому враги эстонского народа стремились бесстыдно исказить историю Эстонии. Историю Эстонии фальсифицировали прибалтийские бароны и их приспешники; ее исказили и эстонские буржуазные националисты, верные слуги крупных империалистических хищников.

Разоблачение буржуазных фальсификаторов истории имеет чрезвычайно важное значение в Эстонской ССР, поскольку здесь до Постановления ЦК ВКП(б) «О недостатках и ошибках в работе Центрального Комитета КП(б) Эстонии» и решений VIII пленума ЦК КП(б)Э в 1950 г. борьба с буржуазным национализмом была недостаточно последовательной и продолжалась скрытая пропаганда концепций буржуазной историографии.

Разоблачение ложных концепций буржуазной историографии является одной из основных задач историков Советской Эстонии. Но следует выявить и все то, что оставила нам ценного историческая мысль прошлого. Необходимо установить, какую роль играли отдельные исторические концепции в общественных условиях своего времени. При анализе развития исторической мысли надо также исходить из указания В. И. Ленина, что «исторические заслуги судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требова-

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 5, стр. 308

ниями, а по тому, что они дали нового сравнительно со своими предшественниками».¹

В настоящей диссертации показан путь развития эстонской исторической мысли до Великой Октябрьской социалистической революции. В работе рассматривается возникновение исторических концепций эстонских просветителей в борьбе с прибалтийско-немецкими фальсификаторами истории; разоблачается переход эстонской буржуазии и всей буржуазной исторической литературы на службу реакции; анализируется формирование основ эстонской марксистской историографии в борьбе с буржуазными фальсификаторами. Характеризуя задачи исторической науки, автор исходит из указаний Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина.

Учение классиков марксизма-ленинизма явилось основой и при анализе тех общественных явлений, которые обусловили борьбу различных направлений в развитии эстонской исторической мысли.

Соответственно теме основным источником служила литература по вопросам истории Эстонии, изданная до Великой Октябрьской социалистической революции. Наряду с монографиями и брошюрами использованы многочисленные газетные статьи. Помимо исторической литературы проработана обширная публицистика и историческая художественная литература.

Данная диссертация как историографическое исследование опирается, в первую очередь, на печатные материалы, но, наряду с ними, использованы и богатые фонды рукописей Литературного Музея Академии Наук Эстонской ССР. Ценным дополнительным материалом оказалась переписка эстонских деятелей культуры. Для выяснения исторических концепций, выраженных в эстонском фольклоре, использованы фонды отдела народного творчества указанного музея. В некоторой степени проработаны и материалы фондов Государственного Исторического Архива Эстонской ССР.

При изучении развития эстонской исторической мысли прибалтийско-немецкая историография не являлась объектом подробного анализа, но влияние её на эстонскую буржуазную историографию всюду учитывалось.

Объем диссертации — 454 стр. машинописи; она состоит из краткого введения, трех глав и заключения. Диссертация написана на эстонском языке.

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 166

Во введении автор излагает задачи диссертации и указывает использованные источники и литературу.

В первой главе «Борьба феодального и антифеодального направлений в эстонской исторической мысли в период перехода к капитализму (I половина XIX века)» дается анализ соотношения классовых сил в Эстонии в указанный период. Далее следует общая характеристика прибалтийско-немецкой дворянской историографии; автор подчеркивает, что немецкие феодалы, в целях подавления все обострявшейся классовой борьбы, стремились путем распространения специальной литературы, защищавшей интересы помещиков, заразить своей реакционной идеологией и эстонское крестьянство. Начиная с первых десятилетий XIX века, для духовного одурманивания крестьян весьма широко используется фальсификация истории Эстонии: концепции прибалтийско-немецкой историографии излагаются на эстонском языке, эстонским крестьянам, наряду с проповедями об устойчивости, незыблемости и божественном происхождении помещичьей власти, начинают твердить о культуртрегерской роли немецких псов-рыцарей XIII века. Этим занималась весьма многочисленная, защищавшая интересы прибалтийских баронов группа авторов, которых буржуазные литературоведы и историки называли «эстофилами», т. е. друзьями эстонского народа.

Стремление господствующего класса подавить классовую борьбу эстонского крестьянства путем насаждения рабской морали достигает особенно больших размеров во второй половине 50-х годов XIX века, в годы созревания всероссийской революционной ситуации. В осуществлении этих стремлений большую роль должно было сыграть соответствующее толкование истории. Фальсификацией истории занимались прежде всего лютеранские пасторы. Вся их деятельность была направлена на подавление классовой борьбы крестьянства. Они сами являлись владельцами церковных имений, что обуславливало единство их интересов с помещичьими интересами. Путем фальсификации истории на страницах регулярно издаваемых эстонских газет и первых учебников истории, написанных на эстонском языке, проповедовался классовый мир. Авторы учебников, излагая историю Эстонии, видели свою основную задачу в оправдании деятельности немецких завоевателей.

В диссертации показывается, что в противовес этим антинародным концепциям представители демократической культуры русского народа, друга и союзника эстонцев, стреми-

лись правильно изображать борьбу эстонского народа против своих угнетателей. Мы видим, как борец против произвола царизма Т. Э. Бокк и выдающиеся русские декабристы П. И. Пестель, И. Д. Якушкин и др. выражали свое глубокое сочувствие эстонским крестьянам и клеймили позором насилие прибалтийских баронов. Это относится и к тем декабристам, которые имели более близкие связи с Эстонией (В. Кюхельбекер, А. В. Бестужев-Марлинский). Далее в диссертации анализируется отношение русских революционных демократов к ходу событий в Эстонии; показывается, какое большое значение для правильного понимания отдельных исторических событий имели высказывания Герцена и Белинского.

В работе кратко освещена и деятельность прибалтийско-немецких просветителей, которые искренне осуждали крепостное право, выступали против дворянского направления в прибалтийско-немецкой историографии и опровергали положение о «культуртрегерстве», но являлись не революционерами, а реформистами (Меркель, Петри и др.).

В более резкой форме выражало антифеодальную идеологию само эстонское крестьянство в своем фольклоре. Богатое устное творчество эстонского народа изобилует историческими оценками, содержит много ценных для истории данных. Правда, в них отсутствует достаточная конкретность, игнорируется хронология, но они в основном правильно освещают важнейшие события истории Эстонии. Они дают резко отрицательную оценку немецко-рыцарской агрессии в XIII в., прибалтийским баронам и их агентам — попам, надсмотрщикам и др. Фольклор указывает и на то, что эстонский народ в борьбе против феодальных поработителей находил поддержку у своего восточного соседа — русского народа.

На труды русских декабристов и революционных демократов, а также на прибалтийско-немецких просветителей и эстонский фольклор опирались те авторы, которые выступили в эстонской печати с острой критикой исторических концепций, распространявшихся в интересах немецких баронов. Прогрессивные писатели О. В. Мазинг и Суве Ян (Я. Соммер) показали положительные результаты воссоединения Эстонии с Россией. Они подготовили почву для деятельности эстонских просветителей, которые последовательно выступали против насилия и произвола прибалтийских помещиков.

В XIX в. важным культурным центром в Прибалтике являлся Тартуский университет. Уже в первой половине столетия здесь получили образование и первые представители

эстонской интеллигенции. Среди них в первую очередь следует отметить писателей-просветителей Ф. Р. Фельмана (1798-1850) и Ф. Р. Крейцвальда (1803—1882).

В противовес прислужникам феодальных кругов Фельман писал, что эстонская культура не могла развиваться именно вследствие варварского угнетения народа немецкими феодалами. Он разоблачал реакционный характер теории о готах как о коренных жителях Эстонии, доказывая, что, начиная с древних времен, территория Эстонии была заселена эстонцами. Он опровергал все утверждения прибалтийских баронов об их правах на земельные владения в Эстонии и эксплуатацию коренного населения. Фельман выражал глубокое сочувствие изнывающему в нищете эстонскому крестьянину, показывал исторические причины жалкого положения крестьянства. Он смог понять, что переход части эстонских крестьян в 1840-х годах в православие был обусловлен именно их невыносимо тяжелым экономическим положением.

Но Фельман обращался в основном не к крестьянству, а к господствующему классу. Он не был революционером, ему было свойственна утопическая надежда, что помещиков можно убедить действовать в соответствии с интересами крестьянства.

Друг и продолжатель дела Фельмана — Ф. Р. Крейцвальд, творчески переработавший эстонский народный эпос «Калевипоэг» (1857—1861), развил в этом замечательном произведении исторические взгляды, согласно которым эстонцы вели в XIII веке героическую борьбу с наступающими от Рижского побережья псами-рыцарями и поддерживали тесные и дружеские связи со своими восточными соседями — русскими. Высказанные Крейцвальдом положения имели большое прогрессивное значение.

Фельман и Крейцвальд заложили основу той переоценке истории Эстонии, которая окончательно складывается в 60-х годах XIX века на фоне демократического направления в эстонском национальном движении. Людям, выступавшим с новой оценкой истории Эстонии, пришлось вести упорную борьбу с представителями другого направления в национальном движении, вставшими на путь соглашения с прибалтийскими баронами.

Вторая глава диссертации озаглавлена: «Борьба демократического направления против консервативно-клерикального в эстонской исторической мысли во второй половине XIX века».

Здесь дается, в первую очередь, анализ классовых отношений в указанный период, показывается, что, наряду с противоречиями между помещиком и крестьянином, все больше начинают выступать противоречия между рабочим и предпринимателем в городе, между сельским пролетарием и кулаком в деревне. Этим было обусловлено и ослабление эстонского буржуазно-национального движения в связи с обострением противоречий в самой буржуазной нации.

Однако в начале периода это движение опиралось еще на широкие крестьянские массы и играло тем самым прогрессивную роль. В его руководстве большое значение имели т. н. «Петербургские патриоты» во главе с художником Кёлером. «Петербургскими патриотами» называлась группа эстонских интеллигентов в Петербурге, воспринявшая плодотворное влияние представителей русской прогрессивной мысли и страстно протестовавшая против палочного режима прибалтийских баронов. Взгляды руководителя демократического крыла эстонского национального движения К. Р. Якобсона (1841—1882) формировались под влиянием «Петербургских патриотов». От них же исходит и стремление к радикальной переоценке истории Эстонии, к разоблачению деятельности немецкого дворянства, стремление превратить историю из средства одурманивания народа, каковым она была в применении приспешников прибалтийских феодалов, в средство политической активизации масс.

Основные моменты новой, прогрессивной концепции истории Эстонии были следующие:

1) в противовес прибалтийско-немецкой историографии эсты представлялись до порабощения их немецкими захватчиками свободным народом, находившимся на сравнительно высоком культурном уровне;

2) в противовес прибалтийско-немецкой историографии доказывалось, что псы-рыцари в XIII веке не принесли эстонцам никакой культуры, а только лишь тяжелое рабство;

3) указывалось на то, что эстонскому народу в его борьбе за освобождение оказал помощь русский народ. Однако представители этой концепции еще не всегда умели отделять русский народ от царизма.

Эти положения в условиях своего времени были по существу прогрессивными. Правда, первое из них означало идеализацию прошлого, но, будучи направлено против прибалтийско-немецких фальсификаторов истории, стремившихся изображать древних эстонцев звероподобными дикарями, имело

все же положительное значение. Третье положение говорит о том, что его авторы не смогли более четко выразить исторические стремления эстонских крестьян, обращавшихся за помощью к восточному соседу, что к фактору дружбы с русским народом присоединялись необоснованные надежды на царизм. Поскольку эта часть концепции вела к оправданию и идеализации действий царизма, она заключала в себе и реакционное содержание.

Весьма убедительно, с веской исторической аргументацией эта концепция была развита К. Р. Якобсоном в его первой «патриотической речи», произнесенной 6-го октября 1868 года в Тарту.

В этой речи Якобсон подразделял историю Эстонии на три периода: света, тьмы и рассвета. Под периодом света Якобсон подразумевает время до вторжения немецких захватчиков. Период варварского хозяйничанья прибалтийских баронов он называет периодом тьмы. Начало рассвета Якобсон увязывает с «освобождением» крестьян Эстонии. Однако эту «свободу» он считал недостаточной. На это указывает его отрицательное отношение к благодарственному певческому празднику, организованному в 1869 году представителями консервативно-клерикального направления в буржуазном национальном движении по случаю 50-летия «освобождения» лифляндских крестьян.

Данная К. Р. Якобсоном новая периодизация истории Эстонии, несмотря на ее буржуазную ограниченность, в условиях того времени углубляла понимание истории и служила интересам борьбы против прибалтийских баронов.

Нельзя не отметить, что на Якобсона и на других представителей демократического крыла эстонского национального движения большое влияние оказала работа Флеровского «Положение рабочего класса в России» (1869), особенно те ее части, где автор говорит о дружбе русского народа с «финскими народами».

Антифеодальные концепции Якобсона вызвали среди его политических противников сильное озлобление. Приспешник прибалтийского дворянства В. Ф. Эйхгорн написал специальную брошюру, полемизируя в ней с положениями, выдвинутыми Якобсоном в его «Трех патриотических речах», что, однако, не только не уменьшило влияния речей Якобсона, но даже, наоборот, содействовало их популяризации.

Против «Трех патриотических речей» Якобсона выступил и глава консервативно-клерикального направления в националь-

ном движении Якоб Хурт (1839—1906). Поскольку он стремился завоевать себе сочувствие широких масс, он не мог открыто возражать против положений Якобсона, но пытался умалить влияние последнего своей трактовкой истории Эстонии, в которой отказался от острой критики феодальной эксплуатации. Хурт ложно утверждал, что христианская церковь, эта идеологическая опора феодализма, якобы защищала крестьян от эксплуатации. Он замалчивал классовую борьбу, ни слова не говорил о грандиозном крестьянском восстании в Эстонии в 1343—1345 гг. Он также полностью игнорировал русские источники, в том числе летописи, и во всем следовал прибалтийско-немецким авторам; те же идеи проповедовали и все позднейшие эстонские буржуазные историки.

Хурт перенял от прибалтийско-немецкой историографии периодизацию истории Эстонии по принципу государственной принадлежности Прибалтики (орденское время, польское время, шведское время, русское время). Эта периодизация, не учитывавшая социально-экономических факторов, стала характерной для всей последующей буржуазной трактовки истории Эстонии и превратилась в руках буржуазии в средство подавления классовой борьбы. Она умышленно представляла эстонский народ не субъектом истории, а каким-то пассивным ее объектом.

Рост пролетариата и его классовой борьбы усиливал страх буржуазии перед народными массами. Именно это обусловило превращение эстонской буржуазии в сугубо реакционный класс. Этот процесс происходил в основном в 1880-х годах и завершился к началу следующего века.

Окончательное превращение буржуазии в реакционную силу означало в эстонской буржуазной историографии победу реакционного, представленного Хуртом, направления над направлением, возглавляемым Якобсоном. Поэтому нельзя говорить о существенных разногласиях в эстонской буржуазной историографии, за исключением ее раннего периода.

Правда, в буржуазной историографии конца XIX в. имелись некоторые авторы (Трусман, Гренцштейн), которые говорили о насилиях немецких баронов, но они в то же время старались оправдать руссификаторскую политику царизма. Деятельность Гренцштейна объективно характеризуется отдельными положительными моментами (содействие разоблачению подлинной исторической роли прибалтийских баронов, ознакомление с произведениями прогрессивных русских писателей), но то обстоятельство, что он назвал само-

державный государственный строй самым лучшим из всех возможных, наложило на его труды глубоко реакционную печать.

Реакционные идеи пропагандировал и буржуазный археолог Ян Юнг; однако его работу по регистрации и описанию археологических памятников следует оценить положительно.

Анализируя борьбу прогрессивных и реакционных сил в историографии, автор касается и трудов Я. Адамсона, М. Якобсона, М. Веске, Э. Борнхоэ, Я. Бергмана и др. Эстонская историческая мысль во второй половине XIX в. весьма живо отражает общественную борьбу. В то время основное значение имел вопрос об исторической роли прибалтийского дворянства. Решительная борьба против поработителей или соглашательство с ними — таковы были лозунги двух противоположных лагерей. Прогрессивные авторы понимали, что для эстонского крестьянства необходим союзник, и поэтому подчеркивали значение исторической дружбы между русским и эстонским народами.

Третья глава диссертации озаглавлена: «Эстонская марксистская историография в борьбе против фальсификации истории буржуазией периода империализма (с конца XIX века до 1917 г.)».

В период империализма эстонская буржуазия выступала в одном лагере с прибалтийскими баронами. Отдельные разногласия и трения между эстонской буржуазией и классом немецких помещиков не имели существенного значения; основное место заняла борьба между пролетариатом и буржуазией. Если товарищ Сталин писал 1-го января 1905 года о пролетариате и буржуазии, что «... борьба между этими двумя классами превратилась в ту ось, вокруг которой вращается наша современная жизнь»,¹ то это целиком относится и к Эстонии, принадлежавшей к тем окраинам царской России, где капитализм был наиболее развит.

Пролетариат вел борьбу с буржуазией под знаменем марксизма.

Возникновение и распространение марксистского учения означало огромный революционный переворот в развитии общественно-политической мысли. Историческая наука получила незыблемую основу. Только применение диалектического материализма к общественным явлениям позволило вскрыть их подлинную сущность. Глубокий анализ общественно-эконо-

---

¹ И. В. Сталин, Соч., т. I, стр. 62.

мических явлений в произведениях классиков марксизма-ленинизма дал ключ и к правдивому освещению истории Эстонии.

Известно, что классики марксизма-ленинизма непосредственно занимались основными вопросами истории Прибалтики. Маркс в «Хронологических выписках» дал оценку немецко-скандинавской агрессии в Прибалтике и факту порабощения коренного местного населения в XIII веке. Освещая классовую борьбу угнетенного эстонского крестьянства, Маркс уделил большое внимание восстанию 1343—1345 гг.; он резко осуждал подлую деятельность балтийских баронов, его известное письмо к Кугельману от 17 февраля 1870 года разоблачает их махинации, крайнюю жестокость установленного ими эксплуататорского режима, антинародный характер их культуры. В своей работе «Секретная дипломатия XVIII века» Маркс дает положительную оценку факту воссоединения Прибалтики с Россией.

Труды великих гениев Ленина и Сталина позволяют научно осмыслить и дать правдивую оценку всей истории Эстонии.

Фундаментальные труды Ленина о развитии капитализма, империализма, о борьбе рабочего класса и крестьянском движении, о пролетарской революции и диктатуре пролетариата полностью применимы к истории Эстонии. Ленин неоднократно затрагивает вопросы истории Прибалтики. Так, например, в своем гениальном произведении «Развитие капитализма в России» Ленин наряду с освещением аграрных отношений во внутренних губерниях России освещает и аграрные отношения в Прибалтике.¹ Ленин неоднократно отмечает положительный опыт социал-демократов Прибалтики во время революции 1905—1907 годов.²

Такое же исключительно важное значение для правильного понимания истории Эстонии имеют и работы товарища Сталина. Периодизация истории Эстонии возможна только на основе трудов И. В. Сталина. Сталинские работы по национальному вопросу дают ключ к правильному пониманию причин возникновения, развития и сущности национального движения в Эстонии. «Краткий курс истории ВКП(б)» является основой понимания истории Эстонии конца XIX и XX в.

Распространение пролетарской идеологии, идей марксизма в Эстонии началось в 80-х годах XIX века. В 90-х годах стали

---

¹ В. И. Ленин, Соч., 3, стр. 147—148.

² В. И. Ленин, Соч. т. 12, стр. 210 и др.

возникать первые марксистские кружки. Соединение рабочего движения с научным социализмом произошло благодаря деятельности М. И. Калинина в 1901—1904 годах в Таллине. Этот факт имел огромное значение для развития рабочего движения в Эстонии, а также для развития эстонской исторической мысли.

Для борьбы с рабочим движением эстонская буржуазия выдвинула свои группировки: наиболее правую кадетскую группу «прогрессистов» и группу буржуазных «радикалов». Мелкобуржуазные партии преследовали цель раскола рабочего движения. В этой обстановке борьба между пролетариатом и буржуазией являлась фактором, определяющим основное направление борьбы и в эстонской исторической мысли.

И в период империализма основной опорой реакции в Эстонии попрежнему были лютеранские пасторы. Вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции именно они распространяли реакционные националистические установки, которые сводились к следующему:

1) пропаганда единства нации: положение о совпадении интересов различных классов эстонской буржуазной нации, что было основным тезисом буржуазно-националистической идеологии.

2) Западная ориентация, перенятая эстонскими буржуазными историками из прибалтийско-немецкой историографии; эта ориентация означала превозношение западного влияния, проповедь теории «культуртрегерства», что должно было служить оправданием грабительских захватов, а вместе с тем и прикрытием основного классового антагонизма между помещиком и крепостным.

3) Фальсификация русско-эстонских взаимоотношений и пропаганда антирусской клеветы эстонскими буржуазными историками с целью отдалить эстонский пролетариат и крестьянство от их союзника — эксплуатируемых масс русского народа; отсюда вытекало и стремление скрыть историческую дружбу эстонцев с русскими, помощь русского народа эстонцам в борьбе против немецких псов-рыцарей.

В период империализма самым видным представителем эстонской буржуазной историографии был Виллем Рейман (1861—1917), являвшийся и главнейшим идеологом эстонской буржуазии в указанный период. Пропагандируя лютеранскую ортодоксию, пастор Рейман вместе в тем полностью перенимает теорию «культуртрегерства». Он даже озаглавил одну из своих статей «Семьсот лет культурной работы» и

нагло пытался оправдать эксплуататорскую деятельность немецких феодалов в Прибалтике, называя ее «культурной работой» на благо коренного населения. Это со всей яркостью демонстрирует антинародность эстонской буржуазии в целом, ее переход в лагерь прибалтийских баронов.

С превозношением лютеранской церкви, принятием всех основных положений прибалтийско-немецкой историографии, пропагандой западной ориентации и антирусскими взглядами Реймана связана и идеализация периода шведского господства в Эстонии. Эта полностью игнорирующая факты апологизация шведского владычества проложила дорогу последующей буржуазно-националистической историографии, так как в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции в России западная ориентация и антирусское направление в эстонской буржуазной историографии еще более усилились.

Ближайшим «соратником» В. Реймана в деле фальсификации истории Эстонии был пастор Мартин Липп. Вместе с Рейманом он призывал к исследованию родословий деятелей эстонской буржуазии. Это означало, как остроумно подметил эстонский писатель — демократ Эд. Вильде, присовокупление к идеалистической трактовке истории еще и генеалогического балласта.

В диссертации разоблачена сущность исторических концепций носителя антинаучной и враждебной по отношению к России «норманистской теории» клерикала Х. Прантса и ряда других авторов того же направления.

Несколько более замаскированно, чем клерикалы, служили интересам буржуазии либеральные историки. Их типичным представителем был П. Руубель. Взгляды Руубеля выявляются из его утверждения, что после революции 1905 года общегосударственная политика, т. е. политика царизма приобрела либеральный и народный характер. Характерно, что он решался касаться лишь борьбы между отдельными буржуазными группировками, а не между пролетариатом и буржуазией.

Для буржуазии были целиком приемлемы и исторические работы в духе меньшевизма, которые идеологически дезориентировали народные массы и служили интересам капиталистов.

В диссертации разоблачены попытки эстонского меньшевика Н. Кэстнера выступать под флагом марксизма и одновременно преданно служить интересам буржуазии. Сорвана маска и с другого предателя эстонского народа — М. Мартна,

который стремился заглушить классовые противоречия в деревне и показать либеральную буржуазию вождем революции 1905—1907 гг.

Меньшевицские работы, в том числе статьи Кэстнера и русского меньшевика Юшкевича, публиковала в своих изданиях литературная группа «Молодая Эстония», которая, с самого начала своего возникновения в дни первой русской революции, была непримиримейшим врагом марксизма и рабочего класса, проповедовала безродный космополитизм и шовинизм и в годы реакции превратилась в один из боевых отрядов столыпинщины.

Автор старается выяснить и идейные корни воззрений эстонских реакционеров. Решающее воздействие на историков открыто реакционного направления — Реймана, Липпа и др. — оказали немецкие и финские реакционные историки, а также идеологи русской империалистической буржуазии, типичнейшим представителем которой был Милюков. Под их влиянием находились и те эстонские буржуазные историки и литературоведы, которые старались скрыть свою связь с реакционными кругами. Духовными отцами Кэстнера и Мартна были Струве, Туган-Барановский, русские меньшевики и немецкие правые социал-демократы.

Прогрессивную роль сыграли лишь те авторы, которые воспринимали плодотворное влияние классиков марксизма-ленинизма и искренне становились на сторону народа. К их числу принадлежит эстонский писатель-реалист Эдуард Вильде (1885—1933), на творчестве которого сказалось влияние марксистских идей.

В диссертации анализируются научные статьи и исторические романы Э. Вильде, причем последние с точки зрения развития исторической мысли представляются даже более ценными. Эти романы не только художественные произведения, они одновременно являются и историческими исследованиями. Для написания их Вильде знакомился с архивными данными и исторической литературой, беседовал с участниками исследуемых событий. Но высоко ценить Вильде как историка заставляет не столько эта предварительная работа, сколько делаемые им правильные обобщения и выводы.

Вильде показывает, что изолированные, стихийные крестьянские восстания были неизбежным результатом господствующих социально-экономических условий. Он показывает также, что переселенческое движение эстонского крестьянства в период капитализма было естественным продолжением

крестьянских побегов из-под гнета помещиков при феодализме. В связи с этим Вильде освещает историческую дружбу между эстонским и русским крестьянством. Несколько бледнее он отображает классовые отношения в городе, переоценивая трения между прибалтийско-немецкой буржуазией и феодалами.

Качественно новое и значительное более глубокое объяснение исторических явлений было дано пролетарской историографией. Последовательное применение метода исторического материализма позволило раскрыть закономерности развития истории Эстонии. Разоблачая действия царизма, помещиков и буржуазии, эстонская рабочая печать с пролетарской партийностью освещала и многие вопросы истории Эстонии. Те же задачи ставил перед собой и пролетарский писатель Виллем Бук (1879—1941), но наиболее полно разоблачил контрреволюционную сущность эстонской буржуазии виднейший большевик Эстонии Виктор Кингисепп (1888—1922).

В. Бук имеет большие заслуги в деле освещения аграрной истории Эстонии. Он показывает, что развитие капитализма сопровождается усилением дифференциации крестьянства и пролетаризацией основной массы его; он показывает, как капиталистические отношения проникают в сельское хозяйство, подчиняют крестьянина влияниям мирового рынка, учат его интенсивному земледелию, — но при всем этом обрекают его на голод. В. Бук разоблачает действительное значение выкупа хуторов, показывает, что вопреки утверждению буржуазных идеологов эта мера не принесла благосостояния эстонскому народу. Он разъясняет, что технические усовершенствования в сельском хозяйстве при капитализме шли на пользу лишь узкой кулацкой верхушке. Он остро разоблачает эксплуататорскую роль сельской буржуазии. Таким образом, Бук сумел подметить основные черты развития капитализма в сельском хозяйстве Эстонии. Он смог это сделать лишь потому, что он изучал работы Ленина, особенно «Развитие капитализма в России». Благодаря тому же Бук смог увязать аграрный вопрос с вопросом революции, указывая, что «аграрный вопрос... есть вопрос освобождения народа»¹. В связи с этим он анализирует и функцию государства, показывая, что в эксплуататорском обществе оно является орудием порабощения народных масс. Одновременно он разъясняет, что про-

¹ V. Buck, Rahvas ja maa, Tartu 1909, lk. 120.

летариат — это та сила, «которая открывает двери в новый мир и проложит дорогу в будущее».¹

Бук раскрывает значение влияния русской прогрессивной культуры, он показывает, почему прибалтийские помещики и эстонская буржуазия, связавшие свою судьбу с царизмом, боялись распространения этого влияния, ставили ему всяческие препятствия. Бук приближался к правильному пониманию двух культур в каждой национальной культуре. Изучение произведений классиков марксизма-ленинизма направляло его последовательный идейный рост.

В диссертации приведены правильные установки по вопросам истории Эстонии, имеющиеся в публицистических и художественных произведениях и других эстонских пролетарских писателей. Так, например, пролетарский писатель Отто Мюнтер (1864—1929) с большой силой разоблачает всю гнусную сущность империализма.

Из трудов В. Кингисеппа проанализированы те работы, которые написаны им до победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Кингисепп дал подробный анализ вопросов, связанных с революцией 1905—07 годов и новым подъемом рабочего движения в 1912—1914 годах в Эстонии, тесно увязывая их со всероссийским рабочим движением; он является пионером в разработке истории эстонского рабочего движения.

Кингисепп подвергает уничтожающей критике эстонскую буржуазию, показывая ее тесные связи с лютеранской церковью, прибалтийскими баронами и царскими чиновниками. Он клеймит всю ее трусость, лицемерие и низкопоклонство, показывает, что она объединяла ультра-националистические лозунги с предательством национальных интересов и притворное социальное свободомыслие — с черносотенством.

Кингисепп занимался и вопросами всеобщей истории. В 1913 году он опубликовал статью «Мартин Лютер и великая крестьянская война в Германии». Здесь он приводит параллели и с современностью, ни на минуту, однако, не упуская из виду глубокого различия условий XVI и XX веков; он показывает, что лютеранская церковь уже в XVI веке была связана с организацией массовых убийств в Германии, точно так же, как в 1905—1906 гг. в Эстонии.

Статьи Кингисеппа внесли большой вклад в развитие эстонской исторической мысли. Применяя метод исторического ма-

¹ V. Buck, Lina, Narva 1913, lk. 15.

териализма, Кингисепп показал, что эстонская буржуазия быстро утратила свою прогрессивность, что она превратилась в архиреакционную, задерживающую развитие, силу. Именно эта разоблачающая эстонскую буржуазию критика обусловила яростные нападки главаря эстонских буржуазно-националистических фальсификаторов истории Х. Крууса, пытавшегося утверждать, что в Эстонии вообще не было пролетарской исторической мысли. Бессовестно замалчивая замечательные исторические труды В. Кингисеппа, В. Бука и др., он пытался подменить их реакционными работами буржуазных лжеисториков. Анализ развития эстонской исторической мысли полностью разоблачает все эти нехитрые измышления.

В заключительной части автор приходит к выводу, что ход развития эстонской исторической мысли свидетельствует об ожесточенной борьбе прогрессивных и реакционных сил вокруг вопросов истории.

Представители демократической культуры русского народа были в первых рядах борцов против реакционных концепций. Местные прогрессивные силы выросли и развились под непосредственным влиянием передовой русской общественной мысли. До 60-х годов XIX в. борьба в эстонской историографии шла в основном между реакционными прибалтийско-немецкими историками и представителями интересов эстонского крестьянства (Фельман, Крейцвальд), резко выступавшими против попыток искажения помещиками и пасторами истории Эстонии и воспитания эстонцев в духе рабской покорности. По существу та же борьба продолжалась и во второй половине XIX века, когда интересы прибалтийско-немецкого дворянства защищала консервативно-клерикальная группировка буржуазии. Перерастание эстонской буржуазии в реакционную силу и связанное с этим ее сближение с помещиками, происходившее в последние десятилетия XIX века, сделало установки консервативной группировки господствующими в историографии. То же самое реакционное направление, но в более замаскированном виде, представлено и историками либерального или оппортунистического уклона. Борьбу против буржуазной историографии начинают авторы, вооруженные марксистскими идеями. Чем больше они углублялись в изучение марксизма-ленинизма и овладевали методом исторического материализма, тем научнее и глубже они освещали вопросы истории Эстонии. В трактовке вопросов истории эти авторы уже последовательно стоят на позициях рабочего класса.

Эстонская буржуазия продолжала и углубляла фальсифи-

кацию истории и после того, как ей временно удалось установить свою диктатуру. Наследие эстонской марксистско-ленинской исторической мысли было использовано пролетариатом как оружие в классовой борьбе. Для историков-марксистов это наследие является ценным достоянием, облегчающим полное марксистское освещение истории Эстонии.

Подобно тому, как русские трудящиеся помогали эстонским трудящимся в борьбе против порабитителей, так и представители русской передовой общественной мысли оказывали помощь носителям эстонской демократической культуры в идеологической борьбе, занимавшей существенное место в освободительной борьбе масс.

На развитие эстонской исторической мысли и вообще всей эстонской культуры в XIX веке плодотворное влияние оказали идеи декабристов и русских революционеров-демократов. В XX веке путеводной звездой для развития эстонской исторической мысли являлись труды величайших корифеев науки — Ленина и Сталина. Только твердо опираясь на труды классиков марксизма-ленинизма, можно дать правильное, научное освещение истории эстонского народа.

Бесплатно.

TÜ RAAMATUKOGU

1 0300 00508017 3